

Вероника Лесневская

**НЕВЕРНЫЙ ОТЕЦ.
СЧАСТЬЕ В КОНВЕРТЕ**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесневская В.**
Неверный отец. Счастье в конверте / Вероника Лесневская – М.: Литнет, 2025.
– 242 с.

ISBN 978-5-521-94634-1

– Ты сделал тест на отцовство? Не лги, что нет... К тебе на смену поступила пациентка, которая твердила, что носит под сердцем твоего сына, и ты просто забыл об этом? Отмахнулся? Не верю! – Да, сделал, – Герман перебивает меня прямым выстрелом в сердце. – И? Душа вдребезги, ладонь судорожно сжимается на ткани халата внизу ноющего живота, внутри которого зарождается маленькая жизнь. Узнает ли он о моей беременности – зависит от его ответа. – Вероятность отцовства девяносто девять и девять процентов, – каждое слово отзывается болью в груди. – Но, послушай, Амина, все не так... Не слышу больше ничего. Белый шум. У моего будущего мужа родился ребенок от другой... Срываю с шеи цепочку, на которой в рабочее время вместо кулона ношу свое помолвочное кольцо. В сердцах отшвыриваю на стол. И не узнаю собственного голоса, когда морозным тоном цежу: – Свадьба отменяется! Я никогда не выйду за тебя.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94634-1

© Литнет, 2025
© В. Лесневская, 2025

Пролог

– Это твой ребенок, спаси его, – женский голос звучит безжизненно и слабо.

В приемный покой на каталке ввозят беременную. На подоле ее длинного бесформенного платья – пятна и разводы. Одна рука покоится на небольшом округлом животике, на вид примерно шестимесячном, вторая – впивается ногтями в запястье Германа, моего непосредственного начальника и... будущего мужа.

Пациентка судорожно сминает ткань его медицинского костюма, оставляя влажные следы. Держится за доктора на протяжении всего пути, словно за единственный шанс на спасение. Или... за любимого мужчину.

Он остается холоден и непоколебим, словно пропустил ее слова мимо ушей. А я-то все слышала, и теперь растерянно подхожу ближе, стараясь отбросить личное и сосредоточиться на работе. Жизнь человека – главная ценность. Остальное потом, даже если на больничной каталке... любовница моего жениха.

– Герман Янович, женщину нашли без сознания в районе нашей больницы. Преждевременные роды, открылось кровотечение, – отчитывается фельдшер скорой, спокойно и четко, как безэмоциональный робот. – При ней не было ни вещей, ни документов.

– Бездомная? – бесстрастно бросает, осматривая ее и ощупывая живот. За свою практику он повидал много тяжелых случаев, вплоть до летальных исходов. Привыкнуть к этому невозможно, но очерстветь – легко. Защитная реакция.

– Неизвестно. С момента, как пришла в себя, она только бредит и не может внятно ответить ни на один вопрос.

Сердце заходится в груди, а колени подкашиваются.

Непослушный взгляд вновь мечется в сторону беременного живота. Оцениваю объем и навскидку подсчитываю срок. Ориентировочно тридцать недель. Может, тридцать две, не больше.

Мы с Германом уже были в отношениях, когда она забеременела.

Временно усыплю в себе ревнивую женщину, чтобы включить сосредоточенного медика. Последний сейчас нужнее. Жизнь человека – главная ценность. Остальное потом, даже если на больничной каталке... любовница моего будущего мужа.

Откуда она взялась? Почему именно сейчас, когда у нас все наладилось?

Ошибка... Какая-то ошибка... Или глупая шутка...

Украдкой прислушиваюсь к дальнейшему разговору врача с загадочной пациенткой. Почти не дышу, захлебываясь накатывающей паникой.

– Вы меня слышите? – Герман щелкает пальцами перед ее лицом, убирает прилипшие ко лбу черные пряди волос, слегка похлопывает по щекам, приводя в чувство. – Помните, как вас зовут? Фамилия? Есть родственники или близкие, кому мы могли бы сообщить, что вы в больнице?

Брюнетка заторможено взмахивает ресницами, фокусируется на его лице и расплывается в мягкой улыбке. Бесцветные глаза наполняются надеждой.

– Только ты, любимый, – лепечет из последних сил, лихорадочно цепляясь за его одежду. – Спаси нашего сына, умоляю.

Несколько дней спустя

Пунктуальный до секунды Герман сегодня опаздывает на собственную пятиминутку, и я понимаю, в чем причина. Точнее, в ком.

Он врывается в кабинет, настежь распахнув дверь, быстрым шагом пересекает помещение и падает в кожаное кресло, которое жалобно поскрипывает под ним. Небрежным взмахом руки разрешает начать доклады, а сам погружается в чью-то историю.

Минуты тянутся мучительно долго, слова коллег звучат словно в вакууме, и я не различаю смысла. Не отрываясь от хмурого доктора, пытаюсь считать его эмоции. Тщетно. Они прячутся под бровней врача. Лицо как гипсовая маска.

Что же ты скрываешь, Демин? Впрочем, несложно догадаться.

– Ты опять был в детском отделении? – спрашиваю, когда мы остаемся в кабинете наедине. – У того недоношенного малыша?

– Да, а что?

Герман нехотя отвлекается от бумаг и устремляет на меня пустой, стеклянный взгляд голубых, почти прозрачных глаз. Мыслями он не здесь, а так и остался рядом с кувезом, где лежит ребенок. Его ребенок от другой женщины.

– Решил проведать, узнать, нужно ли что-нибудь. Он ведь остался без матери. Мы ее не спасли, точнее, я, – добавляет тише, опустив голову. – Теперь у него больше никого нет... В конце концов, это мой долг.

– Как врача? Или родного отца? – заканчиваю его фразу с намеком.

– Прекрати, мы все с тобой уже обсудили, – раздражается, с трудом проглатывая ругательства. – Я не имею к этому никакого отношения...

Не верю. Ни единому слову. Больше нет.

– Ты сделал тест ДНК? – обезоруживаю его простым вопросом.

Меняется в лице, дергает себя за ворот медицинской рубашки, будто в помещении резко закончился кислород. Мне тоже не хватает воздуха, и я панически хлопаю губами, как пойманная на его удочку рыба и безжалостно выброшенная на берег. Легкие сковано тисками, душа вдребезги, ладонь судорожно сжимается на ткани халата внизу ноющего живота, внутри которого зарождается маленькая жизнь.

В тот день я собиралась сказать ему нечто важное, обрадовать, что у нас все получилось несмотря на прогнозы и врачей, но появление беременной от него пациентки спутало все планы. Слиш-

ком много детей на одного бесплодного мужчину, которым он себя считал. Узнает ли Герман теперь о моей беременности, зависит от его ответа.

– Кхм-кхм, что? – беспокойно прочищает горло, стараясь избежать зрительного контакта со мной.

– Демин, не лги, что нет! И не притворяйся, будто не понимаешь, о чем я. Ведь я знаю тебя в совершенстве, – нервно усмехаюсь, в то время как хочется плакать и крушить все вокруг. – В нашу смену поступила роженица, которая твердила, что носит под сердцем твоего сына. И ты просто забыл об этом? Отмахнулся? Не верю! Герман Демин всегда все перепроверяет, даже самые нереальные версии. И хватается за любой шанс, который подкидывает судьба.

– Да, сделал, – перебивает меня прямым выстрелом в сердце.

– И? – все, что могу выдать в ответ.

Судорожно сглатываю и чуть не задыхаюсь от горечи и отчаяния, когда слышу его жестокий ответ:

– Вероятность отцовства девяносто девять и девять процентов, – каждое слово отзывается болью в груди. – Но, послушай, Амина, все не так...

Не слышу больше ничего. Белый шум.

У моего будущего мужа родился ребенок от другой...

Оглушающий звук хлесткой пощечины разносится по кабинету. Герман, не шелохнувшись, буравит меня вспыхнувшим взглядом. На его лице – ярость и страх. Ни капли вины! В моих глазах только один вопрос: «Зачем?»

Он так упорно добивался меня, спасал от мужа-тирана, заставлял довериться ему и влюбиться, чтобы... в итоге предать? Признавался мне в чувствах, а параллельно изменял и делал ребенка другой? Что за жестокие игры? Я сдаюсь!

Моя хрупкая, бьющаяся в конвульсиях вера в мужчин отключается от системы жизнеобеспечения. Прямая линия и писк кардиографа. Нас больше нет.

Срываю с шеи цепочку, на которой в рабочее время вместо кулона ношу свое помолвочное кольцо. В сердцах отшвыриваю на стол. И не узнаю собственного голоса, когда морозным, обреченным тоном цежу:

— Я никогда не выйду за тебя.

Глава 1

Год назад. Первая встреча Герман

Вторая Родина встречает меня проливными дождями, мерзкой слякотью и непроходимой грязью, с чем не справляется даже этот танк отечественного автопрома, взятый в аренду. В городе я предпочитаю машины поменьше и маневреннее, но они не для такой суровой местности. Утонем – не вытащат.

Рискую повысить скорость, слышу, как из-под колес летят комья глины, бьют по днищу. По привычке резко притормозив на повороте, я едва не глохну. Буксую, психую и очень надеюсь, что не придется вызывать эвакуатор, которого здесь наверняка нет. С самыми грубыми ругательствами выбираюсь на более или менее нормальную дорогу, въезжаю в поселок городского типа, где живет семья моей тетки по маминой линии.

Я бы с удовольствием забрал всех родственников к себе в Германию или хотя бы помог им перебраться в столицу, но они непреклонны. Дети давно выросли и разлетелись кто куда, а старшее поколение осталось в этом богом забытом месте. Привыкли жить в тишине и спокойствии, ближе к природе, вести хозяйство и ни от кого не зависеть.

Особенно бабушка, которая любит приговаривать, что не поменяет дух свободы на заморские подачки. Тем более, если речь заходит о немцах, о которых она отзывается исключительно матом, припоминая рассказы своих родителей о войне. В ее глазах моя мать чуть ли не предатель родины, потому что вышла замуж за коренного жителя Германии, приехавшего сюда по обмену. И хоть родители меня растили в России, да и сейчас мы живем на две страны, но все равно остались безнадежно потерянными для общества.

Удивительно, на меня гнев бабули не распространяется. Она любит меня до умопомрачения и всегда ждет в гости. Так что чаще всего в эту глушь я езжу один.

– Скоро ты, внучок? – доносится добрый, старческий голос из динамика, и я улыбаюсь до ушей, на секунду забывая о гадкой погоде и дерьмовых дорогах.

– Ну, как сказать, – тяну с сарказмом. – Забрались за тридевять земель, попробуй вас найти.

– Ба-а! Неужто родной язык не забыл? – подначивает по-доброму, хотя мы виделись несколько месяцев назад, а разговаривали по телефону буквально на днях. – Однако акцент все равно мерзопакостный, – не упускает случая отметить это.

– Разумеется, не забыл, – не сдерживаю смеха. – Особенно русский матерный, без него в моей профессии никуда.

– Да уж, фрицы даже ругаться не умеют, – выплевывает ворчливо. – Вернулся бы ты лучше в Россию, – заводит старую пластинку.

– Ба, мы уже поднимали этот вопрос. У меня там карьера и перспективы, а тут что? – лениво повторяю в сотый раз, как заклинивший диктофон. – Хочешь, чтобы я старушек в поликлинике принимал? Или в вашем ФАПе уколы в зад ставил?

– Не-е-ет, Гера, – сокращает мое имя по-своему, но я привык. – Я хочу, чтобы ты нашел себе хорошую русскую бабу и женился. Немки твои страшненькие, там всех красивых святая инквизиция на костре сожгла, а еще они карьеристки. От них детей не дождешься. А я правнуков увидеть хочу...

– Это вряд ли, – выдыхаю себе под нос, мгновенно помрачнев и задумавшись.

Вдавливаю педаль газа в пол, яростно прорезая капотом непроглядную стену дождя. Машину подбрасывает на бугристой дороге, колеса скачут по кочкам и впадинам.

В сплошной водяной завесе различаю очертания женской фигуры. Выбегает на обочину под ливнем и, кажется, голосует. Все плыв-

вет перед глазами, и я боюсь, что эта ненормальная бросится мне под колеса. Какого Хершела она делает здесь посреди ночи?

– Что за хрень! – зло выплевываю и бью по тормозам.

Опускаю стекло и, облокотившись о дверцу, выглядываю на дорогу. Крупные капли лупят по голове, впитываются в ткань рубашки, оставляя разводы, но мне плевать. Прищулив глаза, пытаюсь рассмотреть незнакомку в свете фар. На ней пресловутое «маленькое черное платье» и высокие каблуки, которые делают ее длинные ноги бесконечными. Почему-то она без верхней одежды, да и в целом выглядит так, будто явилась прямиком со светского раута или... с вызова.

– В город подвезете? – спрашивает без приветствия, наклоняясь ко мне и натянуто улыбаясь. Несмотря на миловидную внешность, ее карие глаза в сумраке кажутся зловеще черными, мокрые рыжие волосы змеями спускаются к плечам, высокая грудь судорожно поднимается.

– Ничего, что это в обратную сторону? – недовольно хмыкаю, продолжая кружить по ней взглядом. От приличного, но соблазнительного декольте поднимаюсь к лицу с размазанным макияжем. – А ты со смены или только заступаешь в ночную? – не выдержав, выплевываю с неприкрытым укором. Красивая же девка, но разменивает себя. Губит молодость.

– У меня сегодня выходной, а что? – невозмутимо бросает в ответ. Да ладно? Может, у них еще премии и профсоюз есть?

– Занялась бы чем-нибудь другим. Впрочем, твоя жизнь, – небрежно отмахиваюсь, отстраняюсь от окна и возвращаюсь в теплый салон, откинувшись на спинку кресла. В сердцах хлопаю ладонью по бедру, размышляя, что делать со случайной попутчицей. – В город мне не по пути, я только оттуда. Садись, могу предложить тебе...

Собираюсь подбросить ее к дому бабули, а оттуда вызвать такси. Пусть специальная служба эту ночную бабочку в пункт назначения доставляет. Я пас.